

УДК 81'367 + 811.512.37

ББК 81.2 3

**О ДЕЕПРИЧАСТИЯХ И ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТАХ
В РОМАНЕ К. ЭРЕНДЖЕНОВА «АЛАН ХАДЪЛ» («БЕРЕГИ ОГОНЬ»)**

Н. Ч. Очирова

Деепричастия в калмыцком языке образуются с помощью присоединения к глагольной основе особых аффиксов и обозначают признак действия или состояния сказуемого, без указания на лицо, время и наклонение. В отличие от других глагольных форм, деепричастие не выступает в роли самостоятельного сказуемого в предложении. Традиционно в грамматиках калмыцкого языка выделяется более 10 деепричастных форм: сопутствующие (соединительные, уступительные, слитные, разделительные) и обстоятельственные (условные, последовательные, предельные, продолжительные, попутные, причинные и т. д.) [Грамматика ... 1983: 250–258].

Деепричастия представляют собой важнейшую грамматическую категорию, и «в сочетании с другими формами и служебно-вспомогательными глаголами они образуют аналитические формы глагольного вида, выражают различные оттенки модальности действия, оформляют зависимые сказуемые деепричастных оборотов в составе сложных предложений» [Цыренова 2000: 3].

Глагольные сочетания слов, ведущим компонентом в которых является деепричастие, называются деепричастными оборотами, выполняющими различные синтаксические функции по отношению к какому-либо члену предложения или ко всему предложению.

Деепричастные формы глаголов в монгольских языках являлись объектом изучения еще с середины XIX в. с выходом в свет грамматик И. Я. Шмидта [1832], О. М. Ковалевского [1835], А. А. Бобровникова [1835; 1849], А. Д. Руднева [1905], В. Л. Котвича [1902; 1929], Н. Н. Поппе [1937] и др. В современной монголистика и калмыковедении известными учеными-монголистами тщательно описана грамматическая система глагола и глагольных форм (в том числе и деепричастных) с точки зрения их образования и значения в монгольских языках (см., например: [Тодаева 1951; 1960; Бертагаев 1964; Очиров 1964; Бадмаев 1966; Касьяненко 1968; Санжеев 1940; 1941; 1953; 1959; 1963;

Пюрбеев 1977; 1979; 2010; Харчевникова 1983; 1996; 1999; Кузьменков 1984; Омакаева 1990; 2008; Мушаев 1995; 2005]).

Некоторым проблемам деепричастных форм в монгольском и калмыцком языках посвящены отдельные статьи Г. Ц. Пюрбеева «Формы выражения субъекта в причастных и деепричастных оборотах монгольских языков» [1977], Р. П. Харчевниковой «Проблемы деепричастий в монгольских языках» [1997], Б. В. Бадмаева «Особенности употребления сопутствующих деепричастий в „Сарин Герел“» [2005], Н. Ч. Очировой «Деепричастные обороты в структуре калмыцкого предложения» [Очирова 2006] и т. д.

В сборнике «Исследования по грамматике калмыцкого языка» учеными Института лингвистических исследований РАН рассмотрены некоторые вопросы грамматической системы калмыцкого языка на основе фактического материала, собранного по результатам полевого изучения разговорного языка, которое осуществлялось в рамках экспедиций в Калмыкию 2006–2008 гг. В статье Д. Ф. Мищенко «Деепричастия с показателями *-žə* и *-ad* в калмыцком языке» [Мищенко 2009] анализируются семантика и синтаксическая дистрибуция двух наиболее частотных деепричастных форм калмыцкого языка.

Деепричастные обороты в силу своих синтаксических особенностей в структуре образования высказывания вызывают много вопросов. Особенно это касается самостоятельного деепричастного оборота, который в своем составе имеет субъект обозначаемого деепричастием действия, условно называемый подлежащим. На основании этого они причисляются многими к придаточным предложениям, хотя некоторые монголисты называют все деепричастные обороты, вслед за А. А. Бобровниковым, «второстепенными или членными предложениями» [Бобровников 1849: 264–266], в том числе и разносубъектные обороты. Другие считают, что обороты с субъектом являются специфической формой выражения придаточных предложений [Касьяненко 1966: 3–10].

Г. Д. Санжеев рассматривает обороты в синтаксическом плане как «развернутые члены предложения» и в то же время трактует их как «предложение в предложении» [Санжеев 1941: 87]. Однако наиболее приемлемым является дифференцированный подход Т. А. Бертагаева к подобным конструкциям [Бертагаев 1962: 117–118], который заключается в их делении на простые, самостоятельные и обороты-предложения, что более всего соответствует языковым фактам монгольской группы языков, в том числе и калмыцкого [Пюрбеев 2010: 163].

Структуру таких деепричастных оборотов считают идентичной структуре любого подчиненного предложения. В связи с этим возникает необходимость выявить различные формы выражения субъекта в деепричастных оборотах калмыцкого языка и на этой основе попытаться определить их отличие от придаточных предложений. «Под субъектом языковеды подразумевают понятие о лице или олицетворенном предмете, выполняющим действие во всех его возможных видах. Являясь в своей основе логической категорией, субъект того или иного действия может выражаться формами самых разных падежей имени существительного» [Пюрбеев 2010: 164]¹. Следует отметить, что в настоящей работе в целях терминологической дифференциации субъект деепричастных оборотов обозначается просто субъектом, а субъект, выраженный в подлежащем предложения, называется соответственно подлежащим.

Категория субъекта в деепричастных оборотах, обозначая реального производителя действия, не всегда, а только при определенных условиях может совпадать с грамматическим подлежащим [Пюрбеев 2010: 164]. В таких случаях действия выполняются одним субъектом предложения, обозначаемым подлежащим: *Әмтнә ард оч сууһад, бичкн цаһан альчур һарһжә авад, көлсән арчн бәәж Бата ... келв* 'Пройдя и сев за людьми, вытащив маленький белый платок, вытирая пот, Бата ... сказал' [Эрнжәнэ 1972: 407]. *Селәнә школд орад, Бата цааранднь сурһулян дасв* 'Поступив в сельскую школу, Бата продолжил учебу' [Эрнжәнэ 1963: 83]. Субъектом действия в деепричастных оборотах является *Бата* (имя собственное).

Субъект в деепричастных оборотах

¹ Субъект может выполнять не только действие, но и быть просто носителем того или иного состояния (например, *би дуртав* 'я люблю').

выражается различными грамматическими средствами и чаще всего оформляется именительным, винительным и родительным падежами. Так, например, субъект деепричастных оборотов и подлежащее в самом предложении (в форме именительного падежа) обычно выражаются именем существительным или местоимением: *Чи ма хойраг чимкур улалһжәһад, <...> бидн хээрв чигн — иигж бичдг арһ угалм* 'Даже если нас с тобой, раскалив щипцы, обжечь, все равно не сможем так написать' [Эрнжәнэ 1972: 397].

В некоторых случаях подлежащее в структуре предложения имеет анафорическое повторение, т. е. в данном случае указательное местоимение *эдн* 'они' отсылает к подлежащему — *хойр күүкн* 'две девушки': *Шавр герт цә ууҗс суусн хойр күүкн терзәр шамин герл үзчкәд, нег-негән хатхлдад, нүдәрн докъя өглдәд, шамдҗс шил терзәр эдн дегц шаһалдв* 'Две девушки, пившие чай в глинобитном домике, увидев в окно свет фар, подкалывая друг друга и глазами показывая знаки, быстро и одновременно выглянули в окно' [Эрнжәнэ 1972: 520].

Подобное анафорическое повторение помогает уточнить смысл, в особенности, если подлежащее отделено многочисленными деепричастными или причастными оборотами, которые характерны для структуры калмыцкого предложения.

Подлежащее предложения и субъект деепричастных оборотов могут совсем отсутствовать, но при этом они подразумеваются и легко устанавливаются из контекста: *Киитн тулһин шиир ханцарн бәржәһад, өмснә көвәд өвдгләж сууһад, хойр нүднәсн нульмсн һартл үләһад муудан орж асана* 'Взявшись рукавами за холодные ножки тагана (для котла), усевшись на колени возле золы, раздувая так, что слезы выступили из глаз, мучаясь, стал разводить огонь' [Эрнжәнэ 1972: 127].

Если ведущим словом в подобных оборотах является деепричастие на *-тл* или *-хла/-хла*, то оно может сопровождаться лично-притяжательными частицами *-нь*, *-м*, *-мдн* и др.: *Ирсн һазр талан хәрү эргәд халахләнь, ик өндр хамрмуд эңкилднә* 'Если оглянуться назад и посмотреть на то место, куда пришел, возвышаются большие высокие холмы' [Эрнжәнэ 1972: 125].

Хуухлад, өндөһэд, сүүж доран делгэд хонси өөмсөн авад өмстлнь, иргэр үлэжэсн киити салхн нүцкн махмудинь киит уср-хад чичрүлэд оркна 'Заерзав, приподнявшись, пока надел носки, с которыми [он] ночевал, подстелив их под бок, холодный ветер, дующий через низ кибитки, холодом пробирает голое тело, заставляя дрожать' [Эрнжэнэ 1972: 127].

Как отмечает Т. А. Бертагаев, субъект деепричастных оборотов может не совпадать с понятием грамматического подлежащего [Бертагаев 1964: 66]. Как правило, местоположение подлежащего является фиксированным, если субъект оборота выражен именем существительным в форме именительного или винительного падежа. Когда деепричастный оборот имеет свой субъект, то субъект в обороте и подлежащее в предложении не располагаются рядом, в особенности в случае их выражения существительными: *Үөл өөрдэд, цасн икэр ордг болв* 'Приближалась зима, снег стал выпадать чаще' (букв. 'Зима приближаясь, снег стал выпадать чаще') [Эрнжэнэ 1963: 67]. *Бата дунд школан төгсэхлэ, көвүн көдлмшт орв* 'Когда Бата окончил среднюю школу, парень вышел на работу' [Эрнжэнэ 1963: 123]. В данном случае подлежащее стоит после оборота для того, чтобы отличать его от субъекта, который находится со своим ведущим словом (деепричастием) и имеет с ним одинаковую исходную основу.

Зависимые слова в деепричастных оборотах могут находиться в самых разнообразных отношениях к ведущему слову или субъекту. Они выполняют определительные, дополнительные или обстоятельственные функции: *Тиигэд орчлң серж, жирһлин жисэн эклж, күч-көлснэ айс делгү соңсгдв* 'Так вселенная проснулась, движение жизни началось, широко лилась мелодия трудовой песни' [Эрнжэнэ 1972: 591]. В данном примере субъекты в деепричастных оборотах выражены именем существительным в форме именительного падежа, что придает им некую целостность и самостоятельность. Поэтому такие обороты с самостоятельными субъектами имеют тенденцию к обособлению, напоминая по своей форме и значению придаточное предложение.

Деепричастные формы отличаются от финитных глагольных форм своей неизменяемостью, неспособностью выразить ос-

новное действие. Деепричастные обороты в устной речи обязательно выделяются соответствующей интонацией и, следовательно, в письменной речи всегда обособляются знаками препинания, если между ними и сказуемым имеются другие члены предложения, например подлежащее: *Амулңгин чанси цэ, бел кеси хотын эдлэд, Муузра <...> ханад медлэд һарв* 'Отведав чай и пищу, приготовленную Амулангой, Муузра, поблагодарив и попрощавшись, вышел' [Эрнжэнэ 1972: 306]. В данном примере между сказуемым и деепричастным оборотом стоит подлежащее, стало быть, при этом оборот обособляется, чтобы подчеркнуть его подчиненное положение к сказуемому.

Следует также отметить, что деепричастные обороты нельзя отождествлять с придаточными предложениями, которые в отличие от первых, вне структуры сложного предложения, вполне могут существовать самостоятельно, тогда как деепричастные обороты зависят в большинстве случаев от сказуемого главного предложения. Придаточные же предложения соединяются с главным при помощи союзов или союзных слов и относятся к одному из членов основной части предложения или ко всему главному предложению. При этом они могут иметь самостоятельное подлежащее и сказуемое, которые связаны между собой по способу координации, что не применимо в отношении двух главных элементов деепричастного оборота: субъекта и деепричастия, — так как субъект подчиняется деепричастию, которое им управляет, определяя его падежную форму.

Итак, можно констатировать, что атрибутивные формы глагола в художественном тексте К. Эрндженова многочисленны и разнообразны, помогают писателю описать более сложные картины событий/ситуаций, осуществляемые одновременно или последовательно по отношению к друг другу. Деепричастия и деепричастные обороты придают описываемым писателем картинам динамику, позволяют сжимать слишком большие предложения, сосредоточивая внимание на действии. Деепричастия и деепричастные обороты, широко используемые в романе «Һалан хадһл», являются яркими выразительными средствами в создании индивидуального стиля писателя.

Литература

Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста: Калмгосиздат, 1966. 116 с.

- Бадмаев Б. В. Особенности употребления сопутствующих деепричастий в «Сарин Герел» // Алтайские языки и восточная филология [Текст]: памяти Э. Р. Тенишева / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. Москва: Вост. лит. РАН, 2005. С. 48–55.
- Бертагаев Т. А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М.: Наука, 1964. 280 с.
- Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. 400 с.
- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с.
- Исследования по грамматике калмыцкого языка (Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. V, ч. 2) / ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская. СПб.: Наука, 2009. 895 с.
- Касьяненко З. К. Придаточное предложение и оборот в монгольском языке // Проблемы филологии стран Азии и Африки. Л.: ЛГУ, 1966. С. 3–10.
- Касьяненко З. К. Современный монгольский язык. Л.: ЛГУ, 1968. 373 с.
- Ковалевский О. М. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835. 197 с.
- Котвич В. Л. Лекции по грамматике монгольского языка. СПб., 1902. 203 с.
- Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-ое. Прага, 1929. 418 с.
- Кузьменков Е. А. Глагол в монгольском языке. Л.: ЛГУ, 1984. 140 с.
- Мищенко Д. Ф. Деепричастия с показателями *-жэ* и *-ад* в калмыцком языке // Исследования по грамматике калмыцкого языка (Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. V, ч. 2) / ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская. СПб.: Наука, 2009. С. 225–254.
- Мушаев В. Н. Вводные элементы в структуре калмыцкого предложения. Элиста: КГУ, 1995. 40 с.
- Мушаев В. Н. Структура и семантика калмыцкого предложения. Элиста: ОАО АПП «Джангар», 2005. 382 с.
- Омакаева Э. У. Подлежащее в монгольском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 16 с.
- Омакаева Э. У. О формальном описании зависимых конструкций в современном монгольском языке // Вестник КИГИ РАН. 2008. № 1. С. 120–129.
- Очиров У. У. Грамматика калмыцкого языка: Синтаксис. Элиста: Калмгосиздат, 1964. 243 с.
- Очирова Н. Ч. Деепричастные обороты в структуре калмыцкого предложения // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, № 3. Спецвыпуск. 2006. С. 111–115.
- Поппе Н. Н. Грамматика письменного-монгольского языка. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1937. 492 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Формы выражения субъекта в причастных и деепричастных оборотах монгольских языков // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. II боть. Материалы III Международного конгресса монголоведов. Улан-Батор, 1977. С. 136–140.
- Пюрбеев Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1977. 222 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 141 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. 2-ое изд., перераб. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 299 с.
- Руднев А. Д. Лекции по грамматике монгольского письменного языка. Вып. I. СПб., 1905. 95 с.
- Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М.; Л., 1940. 156 с.
- Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л., 1941. 188 с.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков: В 2 тт. М.: Изд. АН СССР, 1953. Т. 1. 160 с.
- Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык. М.: Наука, 1959. 108 с.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Наука, 1963. 266 с.
- Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951. 196 с.
- Тодаева Б. Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М.: ИВЛ, 1960. 137 с.
- Харчевникова Р. П. Деепричастие // Грамматика калмыцкого языка. Фонетика. Морфология. 1983. С. 248–259.
- Харчевникова Р. П. Система глагола в современном литературном калмыцком языке: автореф. дисс. ... д-ра фил. наук. М., 1996. 73 с.
- Харчевникова Р. П. Проблемы деепричастий в монгольских языках // Проблемы современного джангароведения: мат-лы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию А. Ш. Кичикова. Элиста: Калм. гос. ун-т: 1997. С. 22–25.
- Цыренова Т. Б. Становление системы деепричастных форм в монгольских языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2000. 23 с.
- Шмидт И. Я. Грамматика монгольского языка. СПб., 1832. 765 с.
- Эрнжэнэ К. Һалан хадһл. Роман. 1-ч дегтр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1963. 225 х.
- Эрнжэнэ К. Һалан хадһл. Роман. 1-ч, 2-ч дегтрмүд. 2-ч һарц. Ясврта болн немртэ. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1972. 622 х.